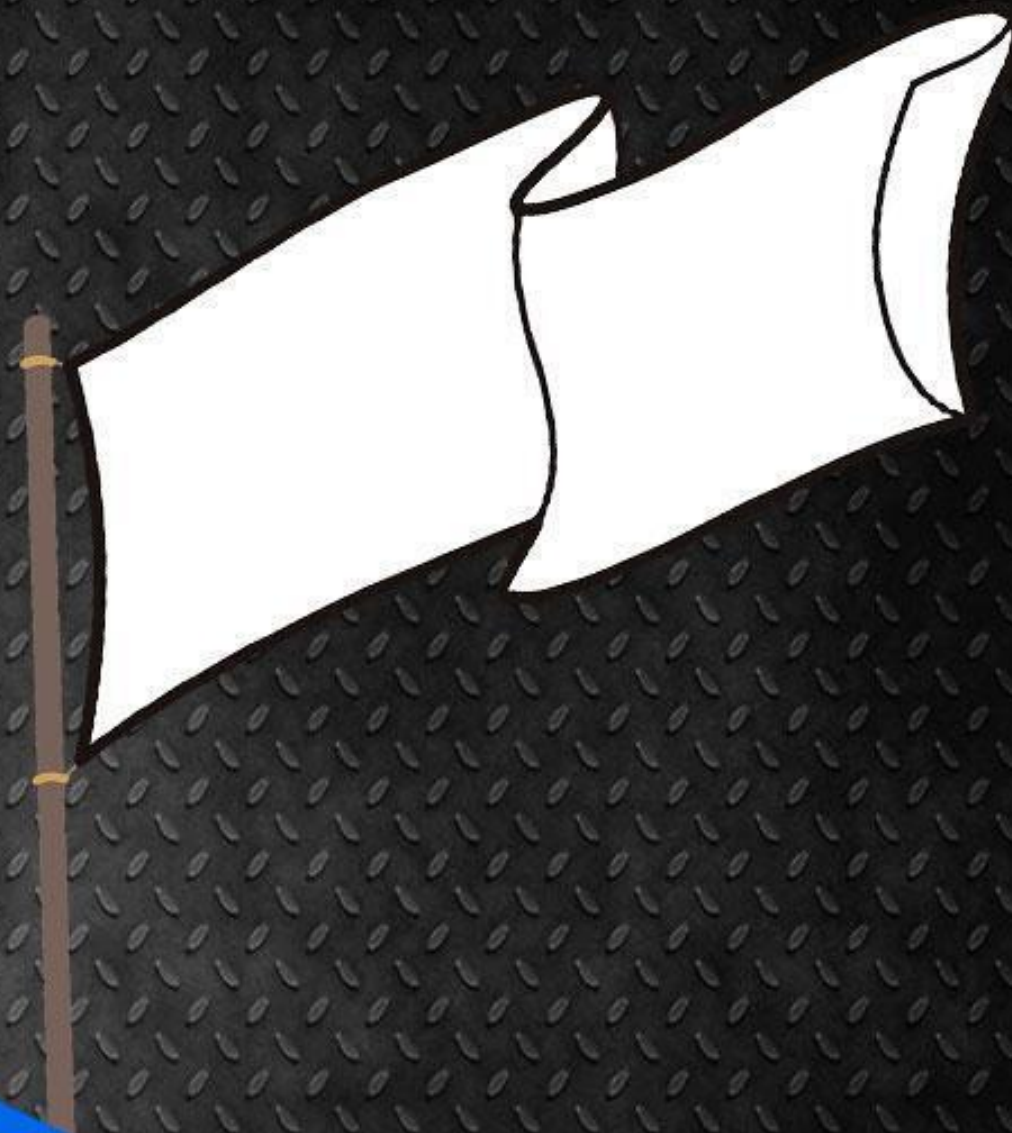

АЛЕКСАНДР УСОВСКИЙ

ЧЕСТНАЯ ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

**ТЕГЕРАН-43.
БЕЗОГОВОРОЧНАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ**

Честная история Второй мировой

Александр Усовский

**Тегеран-43. Безоговорочная
капитуляция**

«Автор»

2020

Усовский А.

Тегеран-43. Безоговорочная капитуляция / А. Усовский —
«Автор», 2020 — (Честная история Второй мировой)

ISBN 978-5-042-35924-8

О конференции глав государств антигитлеровской коалиции в Тегеране написано за последние шестьдесят лет изрядно – но смею утверждать, что никто и никогда не писал об этом событии так, как написано в этой книге, честно и открыто, постаравшись расставить все точки над *i*. К нашему глубочайшему разочарованию, истина состоит в том, что Советский Союз на этой конференции не был равноценным партнером своих западных «союзников» – нас позвали туда, чтобы поставить нам задачу и определить наши потребности в материалах, которые нам позволят эту задачу выполнить. И ВСЁ! Нас просто наняли для выполнения определенной задачи – вне зависимости от того, хотелось ли нам её выполнять, и без оглядки на жертвы, которые мы понесем в процессе выполнения этой задачи. На наши жертвы и Рузвельту, и Черчиллю БЫЛО ПЛЕВАТЬ! Как это ни прискорбно осознавать всем тем, кто полагает, что СССР в ТУ войну был самостоятельным игроком...

ISBN 978-5-042-35924-8

© Усовский А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

От автора	5
Пролог	8
Часть первая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Усовский

Тегеран-43. Безоговорочная капитуляция

*Светлой памяти моей мамы
посвящается*

*И сказал сидящий на престоле: се, творю всё новое.
И говорил мне: напиши; ибо слова сии истинны и верны.
И сказал мне: свершилось! Я есмь Альфа и Омега,
начало и конец; жаждущему дам даром от источника
воды живой; побеждающий наследует все, и буду ему
Богом, и он будет мне сыном; боязливых же и неверных,
и скверных, и убийц, и любодеев, и чародеев,
и идолослужителей и всех лжецов – участь в озере,
горящем огнем и серою!*

**Откровение святого Иоанна Богослова,
Глава 21, ст. 5, 6, 7, 8**

От автора

Полагаю, многие люди, берущие в руки незнакомую книгу, частенько при этом задаются вопросом – для чего она была написана? Какова была цель автора, создавшего эту книгу? Что двигало им – алчность, тщеславие, желание самоутвердиться? Зачем этот человек взялся за перо (сел за клавиатуру)? И что он хочет сказать своими строками? Что и кому доказать?

Считаю нужным попытаться ответить на эти вопросы.

Когда в апреле 2005 года я взялся за написание своей первой книги, исторического очерка под названием «Что произошло 22 июня 1941 года?», то, не скрою, предполагал, что это, вполне возможно, принесет мне известность и благосостояние (чем чёт не шутит?), и, помимо поиска истины, даст ещё и какие-то осязаемые результаты. Сегодня, когда я пишу свою двенадцатую книгу, названную мною «Тегеран-43. Безоговорочная капитуляция» – то вспоминаю тогдашнего себя с ироничной улыбкой. Литературная деятельность не принесла мне ни заоблачных гонораров, ни всероссийской известности – тем не менее, я продолжаю писать свои книги, бестрепетно расходуя на них свои душевные силы и годы жизни. Причём отнюдь не из-за алчности, тщеславия или желания самоутвердиться – а лишь потому, что человеку свойственно искать истину...

«Тегеран-43. Безоговорочная капитуляция» будет издан (если автору очень повезет, и издатель окажется к нему благосклонен) тиражом максимум в пять тысяч экземпляров – на двести миллионов человек, читающих по-русски; иными словами, прочтет эту книгу, в самом лучшем случае, лишь один из каждых двадцати тысяч русскоязычных жителей планеты Земля (и то, при условии, что обладатель этой книги даст её почитать кому-нибудь из своих друзей или родственников). Прямо скажем, не густо; всенародная слава и почёт автору в этом случае, говоря откровенно, никак не грозят.

На написание этой книги ушло около восьми календарных месяцев – то есть более двухсот рабочих дней, наполненных поиском материалов, подбором цитат, переводом источников, напряженной работой мысли, написанием текста, его шлифовкой и доводкой – по семь-восемь часов в день. Эти восемь месяцев автор смело вычёркивает из своей жизни – потому что ничем, кроме написания этой книги, заниматься он не мог, книга забирала все его силы без остатка.

Гонорар за эту книгу составит, в самом лучшем случае, пятьдесят тысяч российских рублей, минус подоходный – то есть чистыми на руки автор получит чуть более сорока тысяч. Это, повторюсь, за восемь месяцев напряженного творческого труда; если бы автор занимался, вместо бумагомарания, оптовой продажей макарон, написанием рекламных текстов или поставкой элитных вин в московские рестораны – то он заработал бы минимум раза в три больше.

Тогда зачем, спросит меня любознательный читатель, автор написал эту книгу – если она не принесет ему ни славы, ни денег, да ещё вырвет у него изрядный кусок жизни?

ЗАТЕМ, ЧТО НЕПРАВДА ОТВРАТИТЕЛЬНА.

Хуже того – она смертельно опасна! Если мы по-прежнему будем идти на поводу у фальсификаторов истории Второй мировой, послушно принимая их ложь и соглашаясь с их шулерскими приёмчиками, и при этом отводя взгляд от истинных виновников того колоссального смертоубийства – то, рано или поздно, вновь окажемся в испепеляющем огне всемирного военного кошмара. По той простой причине, что виновники Второй мировой войны, задумавшие и развязавшие её, остались **БЕЗНАКАЗАННЫМИ** – и поэтому сегодня они вновь замышляют вселенское кровопролитие!

Не хочу сказать, что мои книги – это истина в последней инстанции; вполне может статься, что где-то в каких-то моментах я ошибаюсь, где-то моя концепция причин начала Второй мировой и моё видение её истинных виновников хромают однобокостью – всё может быть. Но, я надеюсь, мой читатель простит мне эти промахи – ведь тот, кто ищет правду, разгребая многомиллионные завалы лжи, похоронившие, как казалось, навечно, реальную историю Второй мировой – делает это во имя справедливости. Более того – он делает это во имя того, чтобы подобный кровавый кошмар больше никогда не повторился, и если даже где-то он ошибается – то совершает это непреднамеренно, сугубо во имя установления истины.

Те же, кто пятьдесят лет подряд создавали «официально одобренную» концепцию причин Второй мировой войны (причем по обе стороны «идеологического фронта» Холодной войны) – **ЗНАЛИ, ЧТО ЛГУТ**. Они знали, кто на самом деле спланировал это чудовищное смертоубийство, знали, на ком лежит ответственность за пятьдесят миллионов загубленных жизней, знали, кто и как сделал эту войну столь кровавой – но либо молчали, либо сознательно искажали правду о Второй мировой. Лгали для того, чтобы как можно глубже скрыть её подлинных виновников, для того, чтобы эти виновники продолжали править государствами и народами – в надежде, что истина надежно погребена ими под гигантскими терриконами фальши и подлогов.

Я смотрю на вещи трезво – и понимаю, что «Тегеран-43. Безоговорочная капитуляция» отнюдь не перевернет мир, не изменит «официальные» взгляды на Вторую мировую войну – слишком мал её тираж, слишком много других книг о войне сегодня издаётся в России – но, по крайней мере, я точно знаю одно: моя книга заставит взявших её в руки и прочитавших людей **ЗАДУМАТЬСЯ**.

Задуматься о том, кто на самом деле вскормил и взлелеял демона Второй мировой войны, кто не дал этой войне завершиться «малой кровью», на ком – смерть десятков миллионов её жертв. Кто в действительности виновен в том, что наши прадеды ушли на фронт и не вернулись, что наши прабабушки пережили чёрную ночь оккупации, что наши родовые деревни были сожжены и разрушены.

Кого же, спросит удивлённый читатель, автор полагает виновником того шестилетнего вселенского кровопролития – если это, по его мнению, отнюдь не национал-социалистическая Германия Адольфа Гитлера?

Я обвиняю в развязывании Второй мировой войны англосаксонско-еврейскую мировую финансовую олигархию. Я обвиняю политических деятелей США, Франции и Великобритании в том, что эта война продолжалась так долго и так дорого стоила человечеству. И я обвиняю в смерти моего деда, Головейко Герасима Федоровича, в смерти двух с половиной миллионов

белорусов, в смерти двадцати семи миллионов граждан Советского Союза – самого кровожадного врага человечества: я обвиняю **МИРОВОЙ КАПИТАЛ**.

Пролог

*Первой жертвой войны всегда становится правда
Джонсон Хайрам*

* * *

Когда в действительности началась Вторая мировая война?

Надеюсь, никто из моих читателей не станет возражать на то, что внезапно начавшаяся на рассвете артиллерийская канонада, сопровождаемая ружейной стрельбой и рёвом пикирующих бомбардировщиков – отнюдь не есть подлинное начало войны, что это – не более, чем итог многомесячной подготовки к ней, и что любая война начинается, прежде всего, с ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ руководителей какого-либо государства оную войну начать? Причём это решение должно быть принято задолго до первых выстрелов – потому что от мужественно брошенной фразы «Решено! Начинаем войну с этими негодяями!» и до перехода через линию границы первых штурмовых рот – как говорится, «дистанция огромного размера». И Вторая мировая здесь – не исключение. Для того, чтобы ранним туманным утром 1 сентября 1939 года доселе сонное польско-германское пограничье внезапно огласилось ревом пушек, лязгом гусениц и ружейно-пулеметной стрельбой – кто-то должен был задолго до этого момента спланировать это событие. Чтобы пушка выстрелила – надо, чтобы кто-то решил, что именно в этот день, и именно в этом месте эта пушка выстрелит; и поэтому для того, чтобы выяснить, кто первым НАЧАЛ ПЛАНИРОВАТЬ войну, имеет смысл тщательно покопаться в документах Генеральных штабов ключевых фигурантов того вселенского смертоубийства... А равно полезно и нужно полистать заодно и бумаги министерств иностранных дел, переписку политических деятелей, прессу, прочие документальные свидетельства тех лет; конечно, в идеале было бы лучше всего полазить по архивам, но туда обычно людей с улицы не запускают – так что будем обходиться тем, что есть под рукой. Благо, в открытом доступе фактических материалов о событиях тех лет с избытком – нужно лишь правильно их прочесть...

Итак, начнем.

Принято («прогрессивной общественностью») считать, что Вторая мировая война разразилась из-за желания национал-социалистической Германии покорить Европу (а в перспективе – и мир; уж таковы были нравы и обычаи у этих злобных немецких нацистов). Начать же покорение Европы и мира немцы решили с Польши – выдвинув последней абсолютно неприемлемые условия, прочитав которые, гордые шляхтичи ту же схватились за сабли. Что коварным немцам, собственно говоря, и было нужно – и 1 сентября их танковые армады принялись терзать тело прекрасной Польши. Ну, а затем за Речь Посполитую вступились благородные юноши – французы и британцы – и с 3 сентября 1939 года германо-польская война стала обще-европейской, а потом и мировой.

Что ж, версия недурна, и имеет право на существование. А теперь посмотрим, КАК ВСЁ БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ.

* * *

Увертюрой ко Второй мировой стала германо-польская война, начавшаяся из-за невозможности урегулирования накопившихся между Третьим Рейхом и Речью Посполитой проблем мирными методами.

Что ж такого невероятно унижительного потребовали немцы от поляков – что те сочли принципиально невозможным обсуждать эти требования и решили, вместо ведения мирных переговоров, затеять с бесчестными вымогателями из Берлина войну, в результате которой оные вымогатели разнесли Польшу вдребезги пополам?

Да, в общем-то, ничего ужасного.

Вот дословно те требования, что были изложены Риббентропом польскому послу в Берлине Липскому 24 октября 1938 года и выполнение которых со стороны Польши немцы считали безусловно необходимыми: 1. «Вольный город» Данциг возвращается из-под управления Лиги наций под управление Германии. 2. Через «Польский коридор» прокладывается экстерриториальная автострада и экстерриториальная четырехколейная железная дорога, которые будут принадлежать Германии. 3. Германо-польский договор 1934 года будет продлен с 10 до 25 лет. Было ещё несколько второстепенных требований – исполнение которых зависело от результатов плебисцитов на некоторых спорных территориях, при этом немцы полагали необходимым проводить вышеозначенные плебисциты под надзором Великобритании, Франции и СССР.

ЭТО ВСЁ. Более никаких безусловных требований к Польше Германия не выдвигала до самых первых выстрелов туманным сентябрьским утром 1939 года.

Посол Польши выслушал требования Риббентропа, неопределенно хмыкнул в усы – и убыл в Варшаву для консультаций. 19 ноября пан Липский, вернувшись из Варшавы, заявил германскому министру иностранных дел, что его шеф считает, что «по внутривластным причинам было бы трудно согласиться на присоединение Гданьска к Германии... всякая попытка включить вольный город в империю неизбежно приведет к конфликту. Это примет форму не только местных затруднений, но также и прекратит всякую возможность польско-германского взаимопонимания во всех сферах».

Заметьте – Гданьск Польше НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ, Польша в этом городе осуществляет, причем на основании мандата Лиги Наций, ограниченные административные функции – полицейские и таможенные. Тем не менее – при переговорах с немецким руководством польские внешнеполитические деятели бестрепетно относят Гданьск к числу польских городов – чья потеря была бы невыносимым горем для всего польского народа.

Кроме того, возврат Гданьска немцам, как заявили поляки, стал бы чудовищным нарушением условий Версальского мира, его 108-й статьи. На какое нарушение Бек с Липским «пойти никак не могли»! О том, как они во времена оны лихо наплевали на условия Версальского договора в Силезии – вельможные паны скромно умолчали.

Несмотря на столь, мягко говоря, прохладную реакцию официальной Варшавы, вопрос Данцига и «коридора», продолжал считаться немцами ещё в январе 1939 года вполне решаемой проблемой. Ведь Польша, по мнению немецких руководящих деятелей, была вполне себе дружественным Германии государством (выступая в «Спорт-паласе» 30 января 1939 года, Гитлер говорил, что германо-польская дружба в тревожные месяцы 1938 года являлась «решающим фактором политической жизни Европы», и что польско-германское соглашение 1934 года имеет «важнейшее значение для сохранения мира в Европе»). Какое дружественное государство взамен уступок в вышеназванных вопросах вполне может удовлетвориться весьма щедрыми предложениями Германии относительно Закарпатской Украины – ведь Бек не раз во всеуслышание заявлял, что мечтает о «польско-венгерской границе по Ужу». Размен «вы нам – Данциг и «коридор», мы вам – северо-восточную часть Закарпатья» вполне мог бы устроить обе стороны, и потенциальный очаг военного противостояния затух бы сам собой. Но разве ТАКОЙ результат нужен был подлинным Хозяевам Польши?

Если бы этот вопрос решали только поляки и немцы – то, скорее всего, никакой Второй мировой войны в сентябре тридцать девятого года и не началось бы. Но история сослагательных наклонений не терпит – и человечество получило то, что получило...

* * *

5 января 1939 года Гитлер, беседуя с польским министром иностранных дел Беком, предложил тому, в обмен на признание Польшей германской юрисдикции над Данцигом и разрешения на постройку экстерриториальной автострады и железной дороги, вполне эквивалентный, по мнению германского фюрера, обмен – Закарпатскую Украину (без территорий с преобладанием венгерского населения). Бек же заявил в ответ, что «предложения канцлера не предусматривают достаточной компенсации для Польши и что не только политические деятели Польши, но и самые широкие слои польской общественности относятся к этому вопросу очень болезненно». Иными словами – Беку мало Закарпатья, он хочет получить ещё и возможность включить в состав Польши, тем или иным способом, Словакию; 1 марта 1939 года, выступая в Варшаве в сенатской комиссии по иностранным делам, Бек это «право Польши на протекторат над Словакией» обосновывает с политической, экономической и даже этнографической точки зрения.

Но экспансионистские пассажи Бека – это было только полдела. 4 марта 1939 года польское руководство отдаёт приказ своим военным **ГОТОВИТЬ ПЛАН ВОЙНЫ С ГЕРМАНИЕЙ**. Прошу заметить – немцы продолжают надеяться на мирный исход «проблемы Данцига и коридора», засыпают поляков разными вариантами разрешения вопроса; в немецких штабах **НИКАКОЙ ПОДГОТОВКИ К ВОЙНЕ** с Польшей не ведётся! Об этом пишет Манштейн: «ОКХ до весны 1939 г. никогда не имело в своём портфеле плана стратегического развёртывания наступления на Польшу» – то есть все германские планы войны с Польшей (выработанные ещё во времена Веймарской республики) были **ОБОРОНИТЕЛЬНЫМИ**. Лишь **В НАЧАЛЕ АПРЕЛЯ 1939 года** верховное командование германских вооружённых сил приступило к разработке плана наступательной войны против Польши – тогда как польский план грядущей войны **БЫЛ УТВЕРЖДЕН 22 МАРТА 1939 года**.

И это был весьма любопытный план!

* * *

21 марта в Польше началась частичная мобилизация – с целью довести численность вооружённых сил до 800.000 человек и укомплектовать кадровые части по полному штату. Призвано было четыре года резервистов, досрочно новобранцы 1918 года рождения и шесть возрастов специалистов всех категорий воинских специальностей (всего более полумиллиона человек). Началось развёртывание четырех дивизий второй очереди (вдобавок к тридцати дивизиям, доводимым этой мобилизацией до штатов военного времени), формирование новых авиационных (бомбардировочная бригада резерва Главного командования – из 36 средних бомбардировщиков PZL.37 «Лось» и 50 лёгких бомбардировщиков PZL.23 «Карась») и танковых (Варшавская кавалерийская бригада) частей. Но главное – даже не это. Гораздо важнее – **ГДЕ** польский Генеральный штаб начал развёртывание своих армий...

Как известно, решение о развёртывании шести полевых армий для войны с Германией польский Генштаб принял на следующий день после утверждения плана войны, 23 марта – причем, прошу заметить, немцы в эти дни о войне с Польшей ещё даже не помышляли.

Что сразу же бросается в глаза после ознакомления с этим планом? **ДИСЛОКАЦИЯ** одной из польских армий – а именно, армии «Познань». Она крайне любопытна; и именно здесь у трубадуров «звериной агрессивности Третьего рейха», утверждающих о безусловно оборонительном характере польских предвоенных приготовлений, зияет логическая лакуна – которую до сих пор никто не озаботился заполнить. Не озаботился, ибо заполнять нечем – поскольку для любого мало-мальски знакомого с ситуацией 1939 года человека дислокация

армии «Познань» вдребезги разбивает тезис о «заведомо обороняющейся» Польше и «безусловном агрессоре» – Германии. Потому что объяснить с **ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ** точки зрения развёртывание этой армии **НЕВОЗМОЖНО**...

* * *

Вот передо мною схема развёртывания основных оперативных соединений Войска Польского накануне сентябрьской войны 1939 года (для любознательных – www.1939.pl). И если логичностью местоположения армий “Карпаты”, “Краков”, “Лодзь”, “Прусы”, “Модлин” и оперативной группы “Нарев” ни у кого, я думаю, сомнений не возникнет (все эти армии образуют оборонительную дугу, опирающуюся на естественные преграды – реки и пуци) – то дислокация армий “Познань” и “Поможе” при первом же взгляде на карту рождает откровенное недоумение. Особенно это касается месторасположения армии «Познань».

Единственный вопрос, который хочется задать, глядя на эту карту – **ЗАЧЕМ?** С какими целями польский Генштаб вынес далеко на запад, в заведомый “котёл”, целую армию, 106.450 солдат и офицеров? Любому человеку, хоть минимально знакомому с теорией войсковых операций, при первом же взгляде на театр военных действий становится ясно, что единственная возможность для Польши устоять в первые недели войны – это удерживать линию Нарев – Висла (до Торуни) – Быдгощская пуца – правый берег Варты (до Серадза) – Верхняя Силезия, изо всех сил сражаясь в предполье этой линии. Всё! Западнее этой линии все войска автоматически, в первые же дни боёв, оказываются в окружении!

Ладно, ситуацию с армией “Поможе” ещё можно понять – всё же Коридор, связь с Гдыней, фланговые угрозы немецким войскам, которые будут наступать на Польшу из Западной или Восточной Пруссии. А вот армии “Познань” (состоящей из вышколенных кадровых частей – никаких запасных, территориальных и прочих эрзац-дивизий в её составе нет!) **НИКАКИХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ ЗАДАЧ** поставлено быть не может – вражеское вторжение, исходя даже из чистой логики, будет проходить намного **ВОСТОЧНЕЕ**, и никаких ударов по флангам наступающих немецких дивизий армия “Познань” нанести не сможет – ввиду удалённости её от мест грядущих сражений. Кстати, именно этот сценарий и был немцами воплощён в жизнь – у них ведь тоже под рукой были карты местности...

А если добавить к абсолютно идиотскому, с точки зрения обороны, месторасположению армии “Познань” ещё и её состав – то вопросов становится уже даже излишне много!

Все три пехотные дивизии первого эшелона армии “Познань” имели в качестве приданных средств усиления танковые роты (14-я дивизия – 71-ю отдельную танковую разведроту из тринадцати танкеток ТКС, 25-я дивизия – 82-ю роту, 26-я пехотная дивизия – аж две танковые роты, 31-ю и 72-ю). Надо сказать, что на все 39 пехотных дивизий, которые планировалось использовать в войне, у командования Войска Польского имелось всего 11 отдельных танковых рот, и то, что **ВСЕ** дивизии первого эшелона армии “Познань” получили эти роты (и даже не по одной!) – говорит весьма о многом... Плюс к этому, 25-й пехотной дивизии были приданы два батальона территориальной обороны (“Krotoszyn” и “Ostrów”), 26-й – три таких батальона (“Wagrowiec”, “Ksupnia” и “Żnin”). Чем хороши эти батальоны? Тем, что их личный состав – это здешние жители, прекрасно знающие местность!

Но и это ещё не всё. **НАСТУПАТЕЛЬНЫЕ** свойства армии “Познань” вполне сравнимы с её оборонительным потенциалом – ибо означенная армия, кроме пехоты, имела **ДВА ПОДВИЖНЫХ УДАРНЫХ СОЕДИНЕНИЯ** – Великопольскую бригаду кавалерии (с 71-м танковым батальоном и четырьмя приданными батальонами территориальной обороны) в первой линии и Подольскую бригаду кавалерии (с 62-м танковым батальоном) в резерве. Обе бригады, кстати, имели полностью идентичную структуру – в каждой было по три кавалерийских полка, по дивизиону конной артиллерии, по сапёрному эскадрону и эскадрону связи, батальону

велосипедистов, стрелковому батальону и отдельной моторизованной батарее ПВО (оснащённой лучшими на тот момент 40-мм зенитными пушками «Бофорс»). В резерве же находилась и ещё одна, четвертая по счёту, пехотная дивизия – 17-я. Кроме того, в состав армии «Познань» входила отдельная бригада территориальной обороны ("Poznań", или "Wielkopolska"), имеющая в своем составе шесть батальонов пехоты, дивизион бронепоездов из пяти единиц ("Śmierć", "Paderewski", "Sosnkowski", "Poznańczyk" i "Danuta"), 7-й полк тяжелой артиллерии и отдельный дивизион ПВО. Авиация армии состояла из двух эскадрилий истребителей (20 PZL P-11C), двух разведывательных эскадрилий (7 RWD-14 "Czapla", 7 R-XIII "Lublin" и 2 RWD-8) и одной эскадрильи ближних бомбардировщиков (10 PZL P-23B "Karaś").

Прошу ещё раз заметить – никаких резервных, запасных и прочих эрзац дивизий в составе армии «Познань» нет. В изобилии, правда, частей территориальной обороны – но эти войска, хотя и уступают регулярной армии в части оснащения тяжёлым вооружением, дают им сто очков форы в знании местности. Впрочем, тяжелого вооружения в армии «Познань» тоже с избытком.

Из всего вышеизложенного можно сделать всего один-единственный вывод: непригодная для целей защиты польской территории, армия «Познань» была предназначена совсем для другого....

* * *

К концу августа 1939 года армия «Познань» представляла собой мощный ударный кулак, для целей **ОБОРОНЫ** польской территории, повторюсь, абсолютно негодный – причём отнюдь не потому, что комплектовался этот кулак второразрядными частями, оснащёнными антикварным вооружением – отнюдь, как раз с этим у армии «Познань» все было в полном порядке. Не годилась она для обороны по той простой причине, что наступать на занимаемые ею позиции, с точки зрения оперативного искусства – не более, чем бессмысленное кровопролитие. Армия находилась в, так сказать, «оперативном вакууме», не имея локтевой связи с остальными объединениями Войска Польского, была вынесена в предполье – находясь в котором, она, по сути, вообще не имела (да и не могла иметь!) никаких внятных боевых задач на оборону. Скажу более, развертывание этой армии с **ВОЕННОЙ** точки зрения – абсолютно бессмысленно; но вот с **ПОЛИТИЧЕСКОЙ** – весьма и весьма необходимо. Ведь от позиций боевого охранения её 25-й дивизии до окраин Берлина – сто пятьдесят километров, или пять дневных переходов пехоты...

Посему решительно утверждать, что все армии Войска Польского развёртывались исключительно в видах обороны территории страны – я бы лично не торопился. ... По крайней мере, одна из них создавалась совсем не для защиты от вероятной германской агрессии!

* * *

21 марта Риббентроп приглашает к себе Липского и вновь предлагает тому передать в Варшаву германские предложения относительно Гданьска, «коридора» и подписания договора о ненападении. Липский в ответ оглашает условия польского руководства, при выполнении которых немецкие требования могли бы рассматриваться (только **РАССМАТРИВАТЬСЯ!**) польской стороной – и первым из них значится «польский протекторат над Словакией». И Липский, и Риббентроп понимают, что это требование заведомо невыполнимо – Гитлер лично дал гарантии независимости Словацкого государства, и отступить от своего слова не сможет ни при каких условиях. Тем не менее – польский посол, не моргнув глазом, объявляет немецкому министру, что ни на каких других условиях Польша далее вести переговоры не собирается.

Таким образом, Липский извещает Риббентропа, что последние шансы мирно уладить вопрос Гданьска и «коридора» катастрофически стремятся к нулю. Дабы у немцев рассеялись последние сомнения – 26 марта публикуется меморандум польского правительства, составленный в намеренно грубой и бесцеремонной форме. Этот документ окончательно и бесповоротно давал понять Берлину, что, по словам посла Липского, «любое дальнейшее преследование цели этих германских планов, а особенно касающихся возвращения Данцига рейху, означает войну с Польшей».

21 марта премьер-министр Французской республики Даладье и министр иностранных дел Бонне прибывают в столицу Британии с официальным визитом. Цель этого визита – подписание англо-французского договора, направленного против Германии. Советский посол в Великобритании Майский извещает своё правительство, что 22 марта «окончательно договорено и оформлено соглашение между Англией и Францией о взаимной военной поддержке в случае нападения Германии». Кроме того, «Бонне настаивал на введении воинской повинности в Англии, без которой, по мнению французов, невозможна никакая серьёзная политика по организации сопротивления агрессорам... Бонне ставил вопрос о твердых обязательствах Англии в отношении Польши и Румынии, опять-таки доказывая, что без этого условия названные страны не пойдут на участие в каком-либо антигерманском блоке».

К 26 марта 1939 года Гитлер получил достаточно информации для того, чтобы понять: время переговоров окончено: Англия и Франция заключили антигерманский военный союз, а их восточному союзнику, Польше, более не нужны ни Закарпатская Украина, ни Словакия, не нужен вообще никакой мирный выход из сложившейся ситуации.

Польше – вернее, её западным «хозяевам» – нужна война.

И 31 марта 1939 г. Чемберлен объявил об этом в своей речи в парламенте – сделав это, правда, по англосаксонскому обыкновению, весьма завуалировано. Он объявил, что если будут «предприняты с чьей-либо стороны действия, угрожающие независимости Польши, которым польское правительство сочтет нужным оказать сопротивление при помощи вооруженных сил, то правительство Его Величества будет считать себя обязанным оказать польскому правительству всякую поддержку, какая будет в его силах. Британское правительство дает в этом гарантию польскому правительству. Я хочу добавить, что французское правительство уполномочило меня заявить, что в этом вопросе точка его зрения полностью совпадает с позицией правительства Его Величества».

* * *

Но англо-французским хозяевам Польши отнюдь не требуется, чтобы поляки самочинно начали войну с Германией – ведь в этом случае будет довольно трудно объявить немцев агрессорами! Западным державам требуется совсем иной сценарий – по которому зачинщиком войны должен стать Третий Рейх. И именно поэтому 30 марта английский посол в Варшаве Кеннард передал Беку англо-французские предложения о заключении договоров о взаимной помощи **в случае агрессии со стороны Германии** – давая этим понять Беку сотоварищи, что торопиться в деле развязывания войны не надо. На всякий случай английское правительство в тот же вечер запросило Бека, имеются ли у него возражения против именно такой формулировки «обеспечения Англией независимости Польши» – британцы хотели иметь стопроцентную гарантию того, что польские вожди согласятся с ИХ сценарием начала будущей войны. Бек сообщил, что возражений не имеет – как сказал он Кеннарду «я согласен без колебаний».

Итак, в последних числах марта создаётся антигерманская коалиция Франции, Великобритании и Польши, имеющая многократный перевес над Германией в ресурсах сырья, в людях, в вооружении и военной технике – **ВОЕННАЯ** коалиция; любые коалиции создаются в предвидении войны – и англо-франко-польский союз здесь не исключение.

Таким образом, можно констатировать, что с 31 марта 1939 года, а именно – с момента оглашения премьер-министром Великобритании Чемберленом английских «гарантий» Польше («Англия и Франция «предоставят польскому правительству всю возможную помощь, какую в силах оказать, если Польша подвергнется нападению») – **ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА СТАНОВИТСЯ НЕИЗБЕЖНОЙ**. При этом Польша демонстративно начинает подготовку к этой будущей войне – **развертывая ударную армию «Познань» в пяти дневных переходах от ступеней рейхстага...**

* * *

Более того – англичане, не довольствуясь уже имеющимися силами, намереваются втянуть в создаваемую ими антигерманскую коалицию и те страны, которые полагают себя нейтральными. Британский министр торговли Хадсон, будучи с визитом в Москве, заявил перед своим отъездом в Финляндию: «В Хельсинки я намерен поставить перед финнами альтернативу – или с Германией, или с Англией. Кто не с нами, тот против нас. Если Финляндия хочет предпочесть Германию, ей придется подчинить свою экономику требованиям этого партнера и получать от него лишь то, что он ей навяжет. Если же финны решатся пойти за нами, они заработают на этом несколько миллионов фунтов стерлингов в год. Так же поставлю я вопрос и перед шведами. Если они не хотят стать в полную зависимость от Германии, они должны отказаться от своего пресловутого «нейтралитета». В будущей войне никому не удастся сохранить нейтралитет. От Швеции я буду добиваться, чтобы в случае нашей войны с Германией ни одна тонна шведской руды не отправлялась немцам».

А вы говорите – «уважение нейтралитета» ...

* * *

3 апреля министр иностранных дел Польши Бек едет в Лондон. 6 апреля им и Чемберленом подписывается англо-польский договор о взаимопомощи. В коммюнике, опубликованном по результатам этого визита, сказано: «Две страны готовы вступить в соглашение постоянного и взаимного характера с целью заменить существующую временную и одностороннюю гарантию, данную польскому правительству правительством Его Величества. До заключения постоянного соглашения господин Бек дал правительству Его Величества гарантию, что правительство Польши будет считать себя обязанным оказывать помощь правительству Его Величества на тех же самых условиях, что и условия, содержащиеся во временной гарантии, уже данной Польше правительством Его Величества. Подобно временной гарантии, постоянное соглашение не будет направлено против какой-либо другой страны, а будет иметь целью гарантировать Великобритании и Польше взаимную помощь в случае любой угрозы, прямой или косвенной, независимости одной из сторон».

Ну, а чтобы этот договор имел под собой серьезные основания – 27 апреля Великобритания принимает закон о всеобщей воинской обязанности, который вступит в силу 27 июля; с этого дня английская армия перестает быть вольнонаёмной (весьма, надо сказать, дорогостоящей), к концу августа 1939 года её численность будет увеличена до двух с половиной миллионов человек.

28 апреля Германия расторгает польско-германский договор 1934 года. В меморандуме немецкого правительства указывается, что, заключая англо-польский договор, Польша связывает себя политическими обязательствами в отношении третьей державы и отвергает предложенное ей Германией урегулирование данцигского вопроса, а также отказывается от укрепления дружественных соседских отношений с последней.

5 мая 1939 г. в польском сенате с ответом на речь Гитлера по поводу одностороннего расторжения Германией договора с Польшей выступил министр иностранных дел Бек, заявивший, что Польша не желает урегулирования проблемы Данцига и «коридора» ввиду «недостаточных компенсаций Польше с германской стороны».

* * *

Но время речей, по большому счету, прошло – обе стороны начали деятельную подготовку к войне, решение о начале которой было принято 22 марта 1939 года в Лондоне руководителями Франции и Великобритании. И с этого момента самым главным для Запада было сделать так, чтобы первым начал эту войну Гитлер – для чего главами англо-французской коалиции на роль ритуальной жертвы старательно готовилась Польша – руководство которой с этой ролью для своей страны однозначно согласилось. Ну, а для того, чтобы польский народ веселей шёл на грядущую бойню – его старательно бодрили разного рода «патриотическими» лозунгами и призывами. Летом тридцать девятого их в Польше раздавалось изрядно!

Западный союз Польши (Polski Związek Zachodni, до 1933 года носивший название Związek Obrony Kresów Zachodnich, весьма влиятельная общественная организация в межвоенной Польше) заявлял в своей программе, что «естественной границей Польши является западный берег Одры», но что какой-то Западный Союз! Сам пан Пилсудский писал в журнале «Mocarstwowiec» в 1930 году: «Мы отчетливо понимаем, что войны между Польшей и Германией избежать нельзя. Мы должны систематически и энергично готовиться к этой войне... Нашим идеалом является Польша с границами по Одере на западе и округленные по Нейсе в Лужицах, а Пруссию от Прегеля до Шпрее присоединить. В этой войне мы не будем брать пленных, в ней не будет места для гуманитарных чувств. Мы весь мир приведем в шок своей войной против Германии». В листовках, изданных подготовительным комитетом Грюнвальдского фестиваля, проводимого в июне 1939 года в память битвы 1410 года, прямым текстом говорилось: «Мы заберём назад то, что немцы отняли у нас на Эльбе, Одере и Вистуле!». 21 июня 1939 года небезызвестный впоследствии Станислав Миколайчик, тогда бывший председателем Великопольского сельскохозяйственного союза, заявил: «Каждому нужно чётко уяснить, что Польша не будет знать мира, пока она не будет покоиться на Одере». 7 августа 1939 г. газета «Słowo Pomorskie» из Торуня обратилась к «польским» немцам с призывом убираться из Польши подобру-поздорову: «Поэтому сегодня мы, поляки, вполне ясно говорим: идите туда, откуда пришли. Вы прибыли сюда на собачьих упряжках. Вы принесли с собой только жалкую подстилку. Можете возвращаться таким же образом».

В общем, пропагандистская кампания по подготовке к войне шла в Польше ничуть не менее яростно и тотально, чем в Германии – и даже громче; польским вождям нужно было довести градус антинемецкой истерии до крайнего предела – дабы у западных соседей исчезли последние сомнения в необходимости войны.

Польша должна была мученически погибнуть (в то же время де-юре даже после своего разгрома оставаясь «стороной конфликта» – для чего польское руководство бежало из страны, дабы ни в коем случае не подписывать с немцами даже перемирия), нацистская Германия должна была обрести мрачный ореол «кровожадного зверя» (для чего «свободная пресса» «свободного мира» превзошла саму себя в придумывании всякого рода кошмарных ужасов, кои на польской земле творят проклятые тевтоны). Предначертанные им роли и злодей, и жертва сыграли блестяще – уже к концу сентября 1939 года мир твердо знал, кто на самом деле есть враг мировой цивилизации, душитель правды и свободы, изверг рода человеческого, а кто – спаситель свободного мира, утешитель сирых и убогих, защитник вдов и сирот.

Но это все же была только присказка. Сказка будет впереди...

Часть первая

От ультиматума 3 сентября 1939 года до Атлантической хартии, или Кто превратил германо-польскую войну во Вторую мировую

* * *

Гитлер отдал приказ о начале войны с Польшей, но до последней минуты надеялся, что территорией Польши эта война и ограничится – ведь никаких претензий к западным державам Германия не выдвигала; в своей речи в рейхстаге, произнесенной 1 сентября 1939 года, рейхсканцлер подтвердил незаинтересованность своего правительства в каких-либо территориальных приобретениях на Западе: «Я торжественно заверяю... что мы ничего не требуем и никогда не потребуем от западных держав. Я заверяю, что граница между Францией и Германией – окончательна. Я снова предлагаю Англии дружбу, и, если необходимо, тесное сотрудничество... У Германии нет никаких интересов на западе».

Фюрер и после того, как Англия предъявила Германии ультиматум о прекращении огня, невыполнение которого означало начало войны на Западе, продолжал надеяться на благополучный исход затеянного им «наказания» Польши – и для таких надежд у него было немало оснований! Он был солдатом Западного фронта Первой мировой – и знал, какие чудовищные потери за четыре года той бойни понесли англичане и французы, сколько лучших сыновей Франции и Англии полегло на Сомме и у Пашанделя, у стен Вердена и на полях Фландрии. Каждый восьмой французский мужчина, способный носить оружие, был убит на той войне, 2 800 000 французов были ранены и искалечены; у англичан был убит каждый шестнадцатый мужчина призывного возраста, ранено на полях сражений было 1.663.000 солдат и офицеров. Посему общественное мнение бывших союзников по Антанте решительно и категорически было против того, чтобы вновь отправлять своих сыновей на войну с Германией – тем более, для того, чтобы Польша продолжала управлять Данцигом и взимать с немцев грабительские сборы за их восточнопрусский транзит. И как ни старались средства массовой информации Франции и Великобритании в летние дни 1939 года поднять боевой дух населения – идея новой войны с Германией во имя «защиты Польши» имела крайне низкую поддержку у тамошнего населения. Французы и англичане, в отличие от поляков, на войну не рвались и брать Берлин штурмом решительно не хотели!

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Германия не предприняла практически никаких мер в предвидении грядущей ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ (и уж тем более – мировой!) войны – по той простой причине, что её руководители были уверены в том, что никакой ТАКОЙ войны не будет, и что максимум, на что пойдут Лондон и Париж – это на ноты протеста, отзывы послов, разрыв дипломатических отношений и, в крайнем случае, на формальное объявление войны – которое, после победы Германии, можно будет по-тихому аннулировать.

Безусловно, Гитлер понимал, что польская воинственность постоянно подпитывается из Лондона, и что инициатором грядущей войны являются англосаксонско-еврейские международные финансовые круги – но полагал, что в политических элитах Англии и Франции найдется достаточно здравомыслящих и ответственных людей, у которых достанет ума не ввергать свои народы и европейский континент в целом в ужасы тотальной войны.

Как выяснилось уже 3 сентября 1939 года, Гитлер был слишком высокого мнения о европейских политиках...

* * *

3 сентября Великобритания и Франция объявили войну Германии – и с этого момента локальный польско-германский вооруженный конфликт начал постепенно превращаться во Вторую мировую войну. Которой немцы отнюдь не хотели и к которой даже и не думали готовиться.

Примеров этому – с избытком. Для примера возьмем немецкий флот – военный и гражданский.

О том, что по состоянию на 3 сентября 1939 года германский военно-морской флот имел в строю лишь двадцать две подводные лодки, способные вести операции к западу от Гринвича, известно сегодня практически любому человеку, который интересуется историей войны на море. Опять же, всем знающим людям понятно, что из этих двадцати двух субмарин оперировать в Атлантике против франко-британского (и союзных им держав) судоходства одновременно могли лишь семь-восемь подлодок – то есть не более трети наличных сил (ещё треть находится в пути – на позиции или возвращаясь с них, остальные ремонтируются, их экипажи отдыхают). Таким образом, ясно, что никакой войны с Великобританией и Францией Гитлер и его коллеги не планировали – иначе в 1937-1939-м Германия живенько настроила бы штук двести или триста u-boot-ов седьмой серии, обучила бы для них экипажи, и в первые же месяцы Второй мировой устроила бы Англии хорошенькую ресурсную катастрофу, отправив на дно процентов десять её торгового флота.

Патентованные «антифашисты» из числа «историков» мне ответят, что немцы планировали против всех своих врагов учинить зверский и безжалостный блицкриг – и поэтому решительно плюнули на идею блокады Великобритании путем организации неограниченной подводной войны. Блокада – дело долгое, Гитлеру без надобности – ведь он, как известно, за три недели планировал разгромить Польшу, а затем недель за пять – Францию, попутно давив всех её реальных и потенциальных союзников на европейском континенте. В этом случае, дескать, никакой нужды в подлодках нету – Англия без континентальных союзников и без всякой блокады живенько скиснет и запросит прощенья. Немцам же для блицкрига нужны танки, которые и строились массово – главари вермахта алкали намотать на их гусеницы внутренности польской, французской, бельгийской и голландской армий и британского экспедиционного корпуса. После какового наматывания Англия естественным образом поднимет лапки кверху – убоявшись вновь проявившейся в немцах *furor teutonicus*.

И ведь самое смешное – в эту несусветную чепуху верит БОЛЬШИНСТВО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЫ! И никто – НИКТО! – не пытается осмыслить всем известные факты...

А они таковы – в августе 1939 года британский торговый флот был безусловным лидером по тоннажу своих судов среди всех остальных морских держав мира, дедвейт судов, ходивших под «юнион джеком», превышал двадцать миллионов тонн, а количество вымпелов приближалось к пяти тысячам (считая и океанские, и каботажные пароходы); французы могли похвастаться двумя миллионами семьюстами пятьюдесятью тысячами тонн тоннажа своего торгового флота. Плюс к этому – после нападения Германии на Норвегию и Голландию под британскую руку уходили колоссальные торговые флоты этих государств: норвежский (более тысячи вымпелов общим дедвейтом в четыре миллиона тонн) и голландский (более пятисот судов общим водоизмещением 2.760.000 тонн). Антинемецкая коалиция, таким образом, могла опереться на более чем шесть тысяч судов торгового флота общим дедвейтом под тридцать миллионов тонн. Что сие означало?

Это означало, что данный колоссальный флот легко и свободно обеспечивал создание и функционирование единого антигерманского военно-экономического пространства по всему миру – давая возможность врагам Рейха использовать для войны с ним ресурсы практически

всей Ойкумены, которые в сотни раз превосходили возможности как собственно НС-Германии, так и всех её союзников и симпатизантов, вместе взятых. ...

Не понимать этого Гитлер и его адмиралы не могли – они ведь не законченные олигофрены – но НИЧЕГО для противодействия подобному катастрофическому для Германии (в случае втягивания её в тотальное противостояние с англо-французским блоком) развитию событий накануне сентября тридцать девятого НЕ ДЕЛАЛИ. Не строили подводных лодок, не готовили для них базы, не планировали маневр силами по внутренним водным путям, не минировали заблаговременно вражеские территориальные воды (что они, кстати, накануне 22 июня 1941 года делали на Балтике), не создавали в портах вероятного противника диверсионные группы. И когда 3 сентября 1939 года Великобритания и Франция объявили войну Германии – единственным ответом Гитлера на это были жалкие семь подводных лодок и парочка «карманных линкоров», направленных на судоходные пути врага. Не шибко серьезная угроза для трехтысячной армады, находившейся в это время в море, вы не находите?

Но и это ещё не самое интересное!

* * *

Немецкий торговый флот занимал в мировой табели о рангах отнюдь не последнее место – под германским флагом ходило семь процентов мирового тоннажа (4.492.708 брутто-регистрационных тонн имели немецкую «прописку»). Логично и разумно было бы со стороны немецкого командования накануне начала войны с «ладычицей морей» – разумеется, при условии, что эту войну оно запланировало – отозвать свои торговые суда из иностранных портов – во-первых, эти корабли могут быть интернированы, во-вторых, дома они нужнее.

Как вы думаете, уважаемые читатели, был ли отдан соответствующий приказ?

НЕТ! Сто девяносто восемь торговых судов Германии общим водоизмещением 829 568 тонн (то есть около 20 процентов общего дедефта германского флота) весть о начале войны застала в иностранных портах. Из них лишь считанным единицам удалось после 3 сентября 1939 года удрать в Фатерланд – все же остальные суда были сначала интернированы, а затем (с течением времени) и реквизированы, чтобы сражаться против Германии. Как вам такая вопиющая непредусмотрительность обычно крайне предусмотрительных немцев? Если бы они знали, что грядущая война будет войной с Великобританией (надежно контролировавшей мировые торговые пути полутора сотнями своих крейсеров) – совершили бы они подобную роковую ошибку? Которая очень дорого потом стоила Германии!

Например, в голландских колониях нашло убежище 31 германское судно; в Европу они уйти не могли, море контролировали британцы. Но голландцы, объявив о своем нейтралитете, согласились на пребывание немецких «торговцев» в портах Ост- и Вест-Индии без спуска германского флага (только в гавани острова Кюрасао находились "Сиэттл" (7369 брт), "Ганновер" (5537 брт), "Везермюнде" (5356 брт), "Ванкувер" (8269 брт), "Патриция" (3979 брт), "Эсте" (7915 брт), "Генри Хорн" (3164 брт), "Алемания" (1383 брт), "Карибия" (428 брт) и "Фризия" (561 брт)). И тут в мае 1940 года немцы начинают вторжение в Голландию! Естественно, все немецкие торговые корабли (22 парохода общим водоизмещением 135 533 тонны в Ост-Индии, 7 кораблей общим водоизмещением 25 994 тонны – в Вест-Индии) тут же были реквизированы голландским правительством в изгнании (то бишь – в Лондоне; лишь два немецких «торговца» не достались врагу и были затоплены своими экипажами).

С итальянским торговым флотом, кстати, произошла та же петрушка – к тому же в гораздо большем масштабе: почти треть итальянского торгового флота (256 судов) в день объявления англичанами войны немцам оказалась за пределами Средиземного моря. Все эти корабли с течением времени были англичанами и американцами реквизированы – чтобы послужить врагам своей Родины...

А вот все английские, французские и подавляющее большинство польских торговых судов накануне войны покинуло немецкие и итальянские порты. Да, за годы войны немцам удалось захватить несколько торговых судов и военных кораблей Норвегии, Голландии, Франции и некоторых других государств – но это были жалкие крохи, и количество захваченных судов и на треть не компенсировало число оставшихся 3 сентября 1939 года в иностранных портах немецких кораблей – затем захваченных врагом.

Но и это ещё не всё!

* * *

Единственное чувство, которое охватывает меня всякий раз, когда я перечитываю мемуары Карла Дёница – это НЕДОУМЕНИЕ. Особенно, когда вновь и вновь я открываю главу четвертую, каковая носит наименование «Политика в области строительства подводных лодок в 1935-1939 годах». Полноте, да о кригсмарине ли эта книга? Где зловещие планы учинения вселенской катастрофы? Где замыслы по организации неограниченной подводной войны? Где кроважанные мечтания о реванше за ноябрь восемнадцатого? Где всё это?

Нет.

Безжалостные нацистские монстры начали строить свой флот отнюдь самовольно – в 1935 году они совершенно официально получили право на строительство военно-морского флота. А именно – Великобритания подписала морское соглашение с Германией, по которому общий тоннаж немецкого надводного военного флота мог составлять 35 % от такового английского. Каковой цифры, кстати, немцы так никогда и не достигли – даже в самые лучшие времена общее водоизмещение их надводных боевых кораблей не превышало 17 % от тоннажа Royal Navy. По этому же соглашению немцам теоретически разрешалось строить подводные лодки общим водоизмещением, равным тоннажу британских подводных сил (вообще соотношение тоннажа планировалось, как 100:45, но немцы выбили себе лазейку в договоре, позволявшую в случае нужды довести это соотношение до 1:1); воспользовались ли этой возможностью кроважанные тевтоны?

Отнюдь. К 1 сентября 1939 года общий тоннаж немецкого подводного флота, U-Bootwaffe, составил менее 23.000 тонн (22 подводные лодки водоизмещением 517-540 тонн, 24 лодки II серии водоизмещением в 250 тонн и 10 временно небоеспособных u-boot-ов) – что составляло 2/3 от тоннажа английских субмарин.

Причём заметьте, подводная лодка – это не линкор, построить её – при наличии грамотных специалистов – дело плёвое. За время Второй мировой войны немцы построили их 1.162 штуки – в 1944 году на воду каждые 36 часов спускалась одна субмарина. При том, что ситуация с ресурсами в 1944 году у Германии была куда как более скверная, чем в благополучных 1938-м или 1939-м...

* * *

Что для постройки подводной лодки нужно? Тонн двести листовой стали разной толщины, полсотни тонн разных труб, двутавра и прочего профиля, парочку мощных и надежных дизельных двигателей, полсотни аккумуляторных батарей, компрессоры, оптические приборы, да ещё по мелочи – резины там, строевого леса, пластмасс, чуток цветных металлов – и всё. Строить лодки можно где угодно – хоть на речных верфях, доселе специализировавшихся на постройке яхт для преуспевающих биржевых дельцов. Повторюсь, здесь главное – наработанный опыт, знания, а вовсе не тысячи тонн броневой стали – как в случае с постройкой линкоров, линейных крейсеров и прочих бесполезных пожирателей мазута. Подводные лодки, в отличие от больших надводных кораблей – оружие бедных.

Опыт в постройке лодок у немцев был – и ещё какой! Достаточно сказать, что самый успешный тип субмарины Второй мировой войны – немецкие лодки VII серии – свою родословную вели от кайзеровских u-boot-ов («семерка» была дальнейшей разработкой подводной лодки UB-III серии)! Да и в межвоенные годы, несмотря на все строгости Версаля, немецкие адмиралы о подводных лодках не забывали. Под вывеской различных гражданских проектно-исследовательских контор начали работать офицеры флота, не состоящие в штате военного ведомства. В 1922 году через подставную фирму «Дешимаг» германский флот приобрел контрольный пакет акций голландской проектировочной компании. Тут же в ее штат были включены немецкие судостроители, немедленно начавшие проектирование боевых кораблей для немецкого флота. Формально «голландская» фирма проектировала подводные лодки для разных финляндий и уругваев – на самом деле, это была важная работа по возрождению немецкого подводного флота. Для Испании была спроектирована подводная лодка E-1 («Эчиварьетта») – модификация последней кайзеровской лодки В-III, для СССР в 1933 году на ее базе спроектировали подводную лодку E-2 (позже ставшую H-1 и положившую начало серии советских подводных лодок типа С). Главное же в деятельности этого конструкторского бюро было отнюдь не снабжение субмаринами флотов малых стран – хотя лодку для Финляндии тут не только построили, но даже испытали. Главное было – находится в постоянной готовности (немедленно после оглашения «дня X») начать строительство боеспособных подводных лодок для Германии.

* * *

Карл Денниц в своих мемуарах описывает, как перед войной он неоднократно и безрезультатно пытался донести до фюрера ту простую мысль, что, если Германия готовится к войне с Англией – то надо как можно быстрее построить три сотни u-boot-ов VII серии, чтобы, буде случится война – тотальной подводной блокадой быстренько поставить заносчивых островитян на место. Фюрер только отмахивался от предложений энтузиаста подводной войны...

Но разве Дёниц предлагал что-то немислимое?

Отнюдь. Триста «семерок» Рейх в 1938-1939 году мог построить запросто, и даже особо не напрягаясь; за это же время на них можно было бы подготовить и экипажи. Да, этот U-Bootwaffe серьезно страдал бы отсутствием опыта, что стоило бы определенных потерь – но на то и война, чтобы были убитые... Сам Дёниц за время войны потерял двух сыновей-подводников – тем не менее, недрогнувшей рукой посылал в море все новые и новые лодки; общие потери немецких подводников по сию пору поражают воображение – из сорока тысяч членов команд u-boot-ов навеки ушло в глубину вместе со своими кораблями 32.000 матросов, старшин и офицеров.

А если бы предложение Дёница было принято? Да, потери бы были – но не столь колоссальные; но при этом и успех был бы куда более весомым! Одно дело – когда (в реальности) на английские коммуникации вышло 15-17 лодок, и совсем другое (по планам Дёница) – когда на них же вырвалась бы армада из сотни u-boot-ов!

* * *

Но всё это разумно и логично с точки зрения подготовки войны – и абсолютно бессмысленно тогда, когда война не предполагается...

Взяться за строительство целого флота подлодок и потратить колоссальные средства на подготовку экипажей для них есть смысл лишь в одном случае, если вами планируется война. Если войны не планируется – этот U-Bootwaffe будет бесполезно ржаветь у причальных стенок,

а бесчисленные подводники будут отирать скамьи в пивных Киля, Бремерхафена, Свиномюнде и Асконы. Оно вождям Третьего рейха было надо?

Дёниц с возмущением пишет, что темпы строительства субмарин были крайне низкими: в 1935 году было введено в строй 14 подводных лодок; 1936 год – 21 подводная лодка; 1937 год – 1 подводная лодка; 1938 год – 9 подводных лодок; 1939 год – 18 подводных лодок; при этом главный подводник Рейха горько сетует на слепоту и крайний пацифизм рейхсканцлера, из-за которых кригсмарине вступил в битву с «владычицей морей» практически безоружным. Но он пишет это уже после войны – зная, что она произошла, что Германия потерпела в ней поражение, что его U-Bootwaffe не смог добиться победы;

А ЕСЛИ БЫ ЭТОЙ ВОЙНЫ НЕ БЫЛО?

В этом случае действия германского канцлера были бы вполне логичны и разумны: зачем тратить бесчисленные миллионы на постройку трех сотен подводных лодок и обучение (весьма недешёвое) их экипажей – если для этих лодок и этих экипажей в ближайшем будущем не найдется никакого разумного применения?

* * *

Впрочем, Гитлер продолжал надеяться на то, что ему удастся сделать англо-французскому руководству предложение о мире, от которого Лондон и Париж не смогут отказаться – и тщательно готовил почву для этого.

Уже через неделю после начала Польской кампании он принял решение немного попридержать рвение своих подводников – за первые семь дней боевых действий потопивших 11 английских судов общим водоизмещением 64 595 тонн. Немало, если учесть, что в самый разгар подводной войны с Англией в Первую мировую (в апреле 1917 года) немцами было потоплено всего вдвое больше торговых судов – а ведь в те дни Великобритания была поставлена на грань продовольственной катастрофы! 7 сентября адмирал Редер был вызван на беседу с Гитлером, который, посоветовал флоту «замедлить темпы». Франция, по словам фюрера, проявила «политическую и военную сдержанность», англичане «колебались». Учитывая такую обстановку, фюрер настоятельно рекомендовал Редеру уменьшить накал подводной войны, чтобы подводные лодки, бороздящие воды Атлантики, в дальнейшем «щадил все, без исключения, пассажирские суда и воздерживались от нападения на французские суда». Кроме того, было решено, что карманный линкор "Дойчланд" в Северной Атлантике и "Граф Шпее" в Южной Атлантике вернутся на некоторое время на свои базы. Как отметил Редер в своем дневнике, общая политика в данный момент сводится к проявлению «сдержанности, пока не прояснится политическая ситуация на Западе, на что уйдет около недели».

После этого распоряжения Гитлера английские потери пошли на убыль: за вторую неделю войны британский торговый флот потерял 651 561 тонну, за третью – 12 750 тонн, за четвертую – только 4 646 тонн.

Немцы старательно демонстрировали западным союзникам Польши своё желание закончить войну – в том числе на самом высоком уровне.

* * *

19 сентября (еще не завершена Польская кампания!) Гитлер в Гильдхалле в Данциге провозносит речь, в которой впервые говорит о мире: **«У меня нет никаких военных целей против Англии и Франции, – заявил он. – Мои симпатии на стороне французского сол-**

дата. Он не знает, за что сражается»¹. А затем он призвал всемогущего, благословившего немецкое оружие, «ниспослать другим народам понимание того, насколько бесполезной будет эта война... и натолкнуть их на размышление о мирном благоденствии»...

Что характерно – не только Германия жаждала мира; прекратить войну в Европе хотел и Советский Союз. Молотов и Риббентроп подписали в Москве 28 сентября декларацию о мире. В ней говорилось, что «правительства Германии и России, урегулировав конкретные проблемы, возникшие в результате распада польского государства, и заложив прочную основу для длительного мира в Восточной Европе, выражают уверенность, что это будет служить подлинным интересам всех народов, положит конец состоянию войны между Германией и Англией и Францией. Оба правительства будут направлять совместные усилия на скорейшее достижение этой цели. Если же, однако, усилия договаривающихся правительств окажутся бесплодными, то это должно подтвердить тот факт, что Англия и Франция ответственны за продолжение войны...»

6 октября Гитлер произносит очередную речь – в ней он уже прямым текстом извещает западных союзников о своей готовности **ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ** добиться мира: «Мои главные усилия были направлены на то, чтобы освободить наши отношения с Францией от всех следов злой воли и сделать их приемлемыми для обоих народов... У Германии нет никаких претензий к Франции... Я даже не буду касаться проблемы Эльзаса и Лотарингии... Я не раз высказывал Франции свои пожелания навсегда похоронить нашу старую вражду и сблизить эти две нации, у каждой из которых столь славное прошлое... Не меньше усилий посвятил я достижению англо-германского взаимопонимания, более того, установлению англо-германской дружбы. Я никогда не действовал вопреки английским интересам... Даже сегодня я верю, что реальный мир в Европе и во всем мире может быть обеспечен только в том случае, если Германия и Англия придут к взаимопониманию. ... Зачем нужна эта война на Западе? Для восстановления Польши? Польша времен Версальского договора уже никогда не возродится... (*Замечу в скобках, что и в этом аспекте германский фюрер оказался удивительно прозорлив!*) Вопрос о восстановлении польского государства является проблемой, которая будет решена не посредством войны на Западе, а исключительно Россией и Германией... Бессмысленно губить миллионы людей и уничтожать имущество на миллионы же для того, чтобы воссоздать государство, которое с самого рождения было признано мертворожденным всеми, кто не поляк по происхождению. Какие еще существуют причины? **Если эту войну действительно хотят вести лишь для того, чтобы навязать Германии новый режим... тогда миллионы человеческих жизней будут напрасно принесены в жертву...** Нет, эта война на Западе не может решить никаких проблем...»²

* * *

Прошу заметить, что вышеупомянутая речь Гитлера в рейхстаге отнюдь не была набором добрых пожеланий – в ней содержались вполне здравые и разумные предложения о том, как стоило бы завершить эту войну. Немецкий фюрер предложил «после самой тщательной подготовки» созвать конференцию ведущих европейских стран – причём желательно предварительно заключить перемирие и отвести войска от линии огня: «Недопустимо, чтобы такая конференция, призванная определить судьбу континента на многие годы вперед, могла спокойно вести обсуждение назревших проблем в то время, когда грохочут пушки или отоблизованные армии оказывают давление на ее работу... было бы более разумно урегулировать

¹ Речь Гитлера в Данциге 19 сентября 1939 г. // Domarus M. Op. cit. Bd. 2, 1. S. 1362.

² <http://www.kuzbass.ru/moshkow/koi/MEMUARY/GERM/shirer2.txt>

их до того, как миллионы людей будут посланы на бессмысленную смерть и уничтожено на миллиарды национальных богатств».

Кроме того, Адольф Алоизович выступил ещё и как провидец – нарисовав весьма суровую картину будущего в том случае, если мир не будет заключен: «Продолжение нынешнего состояния дел на Западе немыслимо. **Скоро каждый день будет требовать новых жертв... Национальное благосостояние Европы будет развеяно снарядами, а силы каждого народа истощены на полях сражений...** Одно совершенно ясно. В ходе всемирной истории никогда не было двух победителей, но очень часто только проигравшие. Пусть народы, которые придерживаются того же мнения, и их лидеры дадут сегодня свой ответ. И пусть те, кто считает войну лучшим средством разрешения проблем, оставят без внимания мою протянутую руку».³

Протянутая рука была оставлена без внимания. Хуже того, западные союзники, не слишком переживая о разгромленной Польше (в конце концов, «мавр сделал своё дело – мавр может уходить»), начали разработку стратегического плана по сырьевому удушению Германии – найдя в её народном хозяйстве самое слабое место.

Этим местом была ЖЕЛЕЗНАЯ РУДА.

* * *

Никакую современную войну решительно невозможно вести без нефти и стали; если с нефтью немцы всё же как-то выкручивались (не в последнюю очередь – благодаря инновационному решению топливной проблемы: в 1939 году четырнадцать гидрогенизационных заводов выдали на-гора 3.895.000 тонн топлива, полученного из угля), то производство стали требовало поставок железной руды – каковой в Германии практически не было. Вопрос с нею решался сугубо импортом – причём в первую голову из Швеции; и импорт этот постоянно рос (ещё бы ему не расти – выплавка стали в Германии увеличивалась едва ли не в геометрической прогрессии!). Если в 1929 году ввоз железной руды составлял 15, 8 миллионов тонн, то в 1939 году – уже 22, 1 миллиона тонн. Это позволило Германии выплавить в 1938 г. 23, 3 миллиона тонн стали.

Начавшаяся война серьезно ограничила ареал поставки железной руды в Рейх – из списка поставщиков выпали Франция (23 % довоенного импорта), Испания, Алжир, Марокко и Бразилия. Это серьезно сказалось на производстве стали в Германии – если в августе 1939 г. месячная выплавка стали там превышала 2 миллиона тонн, то к февралю 1940 она упала до 1,6 миллиона, то есть на 20 %. Но это было не смертельно – пока существовал канал поставки руды из Швеции, немецкая металлургия могла дышать спокойно.

В 1938 году импорт Третьим рейхом этого стратегического сырья из Швеции составлял 9 миллионов тонн, покрывая 41 % потребностей германской металлургической промышленности в руде. С учётом же высокого процента содержания чистого железа в шведской руде, можно утверждать, что 60 % немецкого чугуна выплавлялись из руды, импортированной из Швеции⁴. В 1939 году этот импорт вырос едва ли не на 20 % – и далее до самого апреля 1945 года не снижался ниже уровня в 1.2 миллиона тонн ежемесячно (16-18 миллионов тонн в год). Немцы понимали, что, оборвись эта линия снабжения железной рудой – и с любыми надеждами на победу в войне можно распрощаться – воевать будет нечем.

Но ещё лучше это понимали англичане...

³ http://wunderwaffe.narod.ru/HistoryBook/Rise_Fall/Sid_War.htm

⁴ Чельшев И.А. СССР – Франция: трудные годы 1938–1941. М., 1999. С.251–252.

* * *

Руководство Великобритании поздней осенью 1939 года ничуть не считало, что Германия «выиграла первый тайм», разгромив Польшу – отнюдь, в Лондоне полагали, что ситуация держится ими полностью под контролем. Да, немцы умудрились за неделю до начала войны нейтрализовать и даже в какой-то степени записать в свои союзники Советский Союз – но в целом время играло против Германии: с каждым днем силы западных союзников нарастали (на военные рельсы переводилась экономика Британской империи – а это полмиллиарда человек и 2/3 всей Ойкумены), силы же Третьего рейха помаленьку уменьшались (содержать четырехмиллионную армию для девяностомиллионной страны весьма и весьма накладно!). Посему все призывы Гитлера сесть за стол переговоров и миром закончить эту войну британцами холодно игнорировались. К тому же в их руках (как им казалось) находилась та самая пресловутая игла из русской народной сказки – на конце которой была смерть Кощева (пардон, Гитлера). Стоило им перерезать поставки шведской руды в Рейх – и всё, шах и мат! А перерезать их для Великобритании не составляло никакого труда – достаточно было занять норвежские порты, куда по железной дороге доставлялась шведская железная руда с месторождений Кирунавара и Галливаре – и дело в шляпе! Правда, у немцев существовал резервный вариант доставки этой руды, маршрут по Балтике – но он был намного хуже (к тому же в Ботнический залив могли заходить лишь рудовозы водоизмещением до 5.000 тонн), да и никто бы не помешал англичанам, высадившись в Норвегии, заодно оккупировать и шведские железорудные месторождения – войск шведских там практически не было, а моральные аспекты подобного нарушения чужого нейтралитета британский кабинет волновали ничуть не более, чем кабинет германский (а может, и поменее).

* * *

Впервые о возможности пресечь поставки шведской руды в Германию английское правительство заговорило 19 сентября 1939 года, когда по настоянию Черчилля (согласно его мемуарам) британский кабинет принял проект создания минного поля в норвежских территориальных водах для «блокирования перевозок шведской железной руды из Нарвика в Германию». Но Форин оффис решительно возразил против такого вопиющего нарушения нейтралитета Норвегии, и Черчилль вынужден был признать, что «аргументы министерства иностранных дел были весомы, и я не мог доказать своей правоты. Я продолжал отстаивать свою точку зрения всеми средствами и при любом случае» – но до конца осени все его попытки упирались в упорство британских дипломатов.

Ситуация радикально изменилась 30 ноября 1939 года, с началом советско-финской войны. Черчилль писал по этому поводу: «Я приветствовал это развитие событий и видел в нем возможность достижения главного стратегического преимущества – лишения Германии доступа к жизненно важным запасам железной руды». Отправка английского «ограниченного контингента» на помощь «подвергшейся нападению Советов» Финляндии была бы отличным поводом для того, чтобы занять Нарвик – в котором грузились германские рудовозы. И хотя британский кабинет в очередной раз отверг предложение Черчилля, направленное на рассмотрение 16 декабря, но все же поручил комитету начальников штабов «разработать план высадки некоторых сил в Нарвике».

Поскольку англичане в то время не особо заботились о сохранении в тайне своих планов (ибо по-прежнему полагали, что обладают подавляющим преимуществом в силах), то нет ничего удивительного в том, что многие детали оных довольно быстро становились известны

немцам. Которые, в противовес британским проектам, начали разрабатывать свои – ибо тоже прекрасно понимали важность Нарвига для судьбы своего Рейха. Более того – эти планы рассматривались на самом высоком уровне, правда, без каких-либо реальных последствий. Так, на встрече с Гитлером 30 декабря 1939 года Редер, докладывая о необходимости что-то делать с «норвежским транзитом», подчеркнул опасность британского вторжения в Норвегию, а также возможное отсутствие сопротивления норвежцев германской высадке (ибо Квислинг практически убедил адмирала в том, что у него в Норвегии едва ли не стопроцентная поддержка населения и армии). Но германский фюрер продолжал считать норвежскую операцию тем, чем она и была на самом деле – голимой авантюрой. Поэтому, несмотря на «норвежский» энтузиазм Редера, 13 января штаб флота в своем рапорте продолжал считать, что «самым благоприятным решением было бы сохранение нейтралитета Норвегии»

Западные союзники так не считали. 15 января главнокомандующий французской армией генерал Гамелен направил премьер-министру Даладье записку о важности открытия нового театра войны в Скандинавии. План предусматривал «захват портов и аэродромов на западном побережье Норвегии», а также возможное «распространение операции на территорию Швеции и оккупацию рудников в Галливаре»

Такая настойчивость союзников принудила немцев к ответным действиям – и 27 января Гитлер приказал своим военным советникам разработать – на случай необходимости – детальный план военного вторжения в Норвегию. Специально сформированный для этой цели штаб провел 5 февраля свое первое заседание.

В этот же день, 5 февраля 1940 года, в Париже собрался союзный верховный военный совет. На заседании вместе с Чемберленом присутствовал и Черчилль. Совет одобрил план отправки «на помощь Финляндии» экспедиционных сил в составе двух английских дивизий, французской дивизии и польской горнострелковой бригады. Согласия Норвегии и Швеции для подобной экспедиции (по уставу Лиги Наций) не требовалось, поскольку это был транзит войск для оказания помощи жертве агрессии – а для такого транзита разрешения хозяев территории, по которой он осуществляется, испрашивать не было нужды. Было решено, что экспедиционные силы высадятся в Нарвике в начале марта.

Скорее всего, так бы и случилось – если бы Финляндия не спутала англо-французам все карты, и вдобавок не произошёл бы инцидент с немецким транспортом «Альтмарк» ...

* * *

Когда англичане заперли в устье Ла-Платы рейдер «Адмирал граф фон Шпее», его командир принял решение «карманный линкор» затопить; после этого немецкие торговые суда, обеспечивавшие жизнедеятельность рейдера, остались не у дел. Главным среди них был транспорт «Альтмарк», на борту которого, как память о погибшем рейдере, осталось 299 пленных англичан с потопленных транспортов.

Капитан «Альтмарка» повел свой осиротевший корабль к немецким берегам. Проскочив мимо восточных берегов Исландии (к тому времени оккупированной англичанами – это к вопросу о международном праве и о том, кто его на самом деле беззастенчиво попирает), 15 февраля 1940 года он привел его в нейтральную Норвегию, в порт Йоссингфиорд. Капитан Дау полагал, что, находясь в нейтральном порту, он может рассчитывать на защиту норвежского флага – что, в общем-то, гарантировалось всеми морскими законами.

Ага. Два раза.

Английские эсминцы под командованием капитана 1 ранга Вайэна вошли в норвежский порт и 16 февраля взяли «Альтмарк» на abordаж. Это, повторю, имело место в НЕЙТРАЛЬНОМ порту! Норвегия не воевала ни на чьей стороне – англичане никакого права вторгаться

в норвежские территориальные воды, и уж тем более – захватывать в них немецкий корабль – не имели!

Налицо был правовой нонсенс – Норвегия *не посчитала нужным* защищать немецкий транспорт «Альтмарк», попросивший покровительства ее флага. То есть, по сути, норвежское правительство нарушило свои внешнеполитические обязательства, превратив международные законы, подписанные в том числе и ею, в пустые никчемные бумажки.

После пиратского захвата «Альтмарка» Норвегия могла бы приостановить дипломатические отношения с Англией из-за нарушения ею законов морской войны. Могла выслать из Осло британского посла. Могла заморозить счета английских банков в Норвегии. Много чего могла сделать – **но не сделала НИЧЕГО**. Норвежское правительство ограничилось формальным протестом, от которого в Лондоне просто походя отмахнулись.

Норвегия, таким образом, показала Германии, что английские интересы для нее значительно важнее интересов Рейха.

То есть, по сути, пока неформально, но перешла в лагерь врагов Германии.

Чем и подписала себе смертный приговор.

* * *

20 февраля Гитлер вызвал генерала фон Фалькенхорста и поручил ему подготовку экспедиционных сил для высадки в Норвегии, сказав при этом: «Меня информировали о намерении англичан высадиться в этом районе, и я хочу быть там раньше их. Оккупация Норвегии англичанами была бы стратегическим успехом, в результате которого англичане получили бы доступ к Балтике, где у нас нет ни войск, ни береговых укреплений. Противник сможет двинуться на Берлин и нанести нам решающее поражение». Генерал бодро ответил «Яволь!» и отправился готовить планы вторжения – как гласит германская штабная байка, по туристическому справочнику....

Немцы, надо отдать им должное, начали подготовку к СВОЕМУ десанту в Норвегию активно и деятельно – в отличие от неспешно собирающих силы англичан. Правда, 21 февраля Даладье заявил, что инцидент с «Альтмарком» необходимо использовать как повод для «немедленного захвата норвежских портов неожиданным ударом» – но кипуч и деятелен французский премьер был лишь на словах. Хотя – куда было союзникам спешить? В их руках было абсолютное господство на море – смешно было бы ожидать немецких десантов на побережье Норвегии севернее Бергена.... Любой немецкий транспорт, появившись он в открытом море, был бы немедленно перехвачен и потоплен английскими крейсерами – от британских баз до норвежских фьордов было рукой подать, а крейсеров у Англии в Северном и Норвежском морях было больше сотни! Торопиться англо-французам было решительно некуда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.